

**БОРИС
ЧУЛКОВ**

552984

**ПОГОДА
ВЕКА**

СТИХИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1966

Борис Чулков родился в Вологде в 1932 году. Окончил Ленинградский институт иностранных языков. Работает преподавателем.

Первые стихи Бориса Чулкова появились в печати в 1957 году. А спустя три года увидела свет книжка его стихов «Щедрый дождь».

«Погода века» — третья книжка поэта. В своих стихах Борис Чулков стремится философски осмыслить жизнь, ее явления, судьбы людей. Ряд стихотворений посвящен темам войны и мира, труда и творчества.

СОДЕРЖАНИЕ

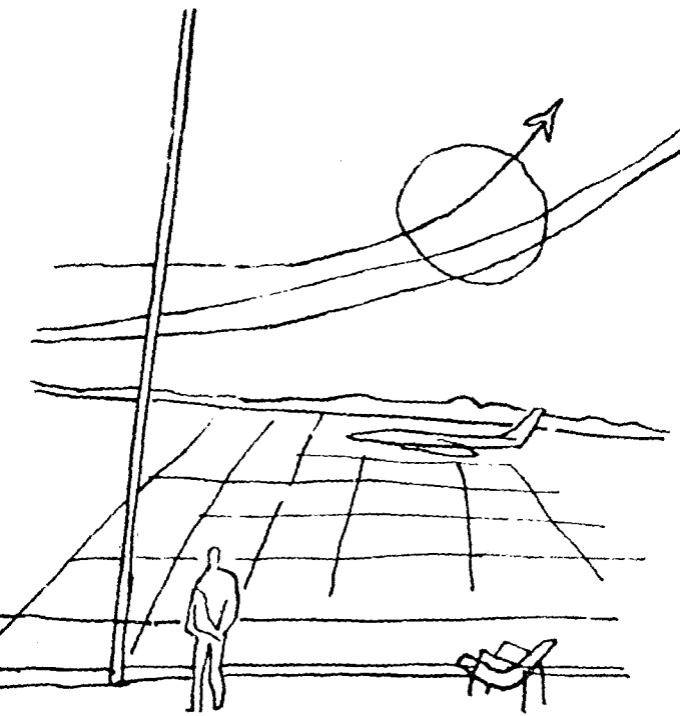
Монологи	3
Будни и праздники	25
Родное	45

Борис Александрович Чулков
ПОГОДА ВЕКА

Редактор А. И. Лёвушкин
Художник Б. Костыгов

Подписано к печати 31. III. 66 г. Бумага 60×84¹/₂.
Физ. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,6. ГЕ00185.
Тираж 7000. Цена 11 коп. Заказ 429.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

МОНОЛОГИ

РОВЕСНИКУ

Наш возраст, упрямы и нахмурен,
за дело принявшись всерьез,
выводит, как некий Мичурин,
седую породу волос.

Хотя по летам мы, товарищ,
войну коротали в тылу, —
вини в этом пепел пожарищ,
военных пожарищ золу.

Теперь далеко мы не дети,
и нам очевидно сейчас:
погода на нашей планете
зависит уже и от нас.

Всё знаем мы, люди простые:
в двадцатый стремительный век,
подобно ракете, Россия
готовится — в новый разбег.

И вот эти руки, ровесник,
ей новые крылья куют —
об этом поют наши песни,
гудки заводские поют.

Да, есть у нас руки и воля
в свершенья мечты претворить,
и мы никому не позволим
пожарища вновь породить.

И не потому за морями
не смеют на кнопки нажать,
что бог благодетельный с нами, —
а что мы умеем стоять.

Под этим надежным прикрытьем,
поставленным каждым из нас,
мечтам, и делам, и открытиям
есть место, условие и час.

День новый не схож со вчерашним,
он новое вносит всегда:
вновь силы вливает он в пашни
и дальше растит города.

Мы в каждом крепим эту веру;
порукой в том — наши дела:
наш вымпел сегодня Венера
в объятья свои приняла!..

Таков этот век на планете;
двадцатый стремительный век;
Россия, подобно ракете,
готовится — в новый разбег.

На знамени: «Всё — Человеку!»
И мы говорим без прикрас:
погода двадцатого века
зависит всецело от нас!

* * *

Двадцатый век не терпит ожиданья!
Ему в момент все вынь да положи:
он сокращать умеет расстоянья,
он приближать умеет рубежи.

Но вот помеха: в тучах — ни просвета,
как струны, струи тоненько поют.
Кто пьет вино, кто курит сигареты,
поскольку самолет не подают.

Ох, затяжной!
Без молнии, без грома
знай только сеют влагу небеса,
в то время как вокруг аэродрома
шумят косноязычные леса.

Что ж, век чудес споткнулся на погоде...
Но, может быть, пока, ругаясь, ждем,
он ищет и к решению подходит,
как с засухой сразиться, как с дождем;

в пророческой тиши лабораторий,
как атом, расщепляется вопрос,
чтоб в будущем
погоды ждать у моря
нам, жителям планеты, не пришлось;

чтоб люди на любом аэродроме
не крыли авиацию вразлет,
чтоб не хотелось им разбить барометр,
когда не вылетает самолет!..

И, как бы в подтвержденье этим думам,
вдруг тонкий луч сквозь прорву туч
блеснул,
и по лесам, до этого угрюмым,
как одобренье, прокатился гул!

* * *

Порой безделье хуже отравленья,
переносить его я не могу;
как узники бегут из заточенья,
так от него и я порой бегу.

Приветствую забытые заботы:
быть беззаботным тоже нелегко,
и запираю дни замком работы,
ключ праздности забросив далеко.

Не все же, бросив дело, отражаться
надраенными стеклами витрин,
не все ж, махнув на дело, забираться
в распластанный зеленый лимузин;
куда-то мчаться — близко иль не близко,
кого-то или что-то увидеть,
когда и сам-то видишь,
сколько риска
бесповоротно время потерять.

Ох, до чего оно неумолимо:
раз пропустил — пеняешь на себя.
Необратимо, невозстановимо
уходит, все канаты обрубя.

И, всем нутром ту мудрость ощущая,
я точно во плоти
его видал
и убежденно, выстраданно знаю:
провалом обернется мой привал.
Оно — не газ, не свет (к чему лукавить?),
но утверждаю: время таково,
что хорошо бы счетчики поставить,
чтоб плату мы платили за него!

* * *

В какие места меня нынче забросил
стремительный бег вездесущих колес?
На острове, в озере, как на подносе,
расставлены рыжие свечи берез.
Не ехать отсюда б ни вправо, ни влево,
куда уведет торопливый изгиб,
остаться бы здесь да закинуть бы невод,
чтобы вынес литые округлости рыб.
Остаться бы здесь, чтоб волна укачала,
лениво толкаясь в глухие кусты;
остаться бы, то есть причалить к причалу
великой и вечной земной красоты...
А шины всё месят и месят,
как тесто,
расквашенный дождиком глинистый путь,
и вот уже взор отрешился от места,
где легкие
вечность могли бы вдохнуть.
Но вечность абстрактна: ни мало, ни много;
автобус сквозь осень летит напролет;
наш век —
это бег, неразлучный с дорогой,
что вдаль увлекает и новь подает.
Да что я — серьезно? Остаться, чтоб слышать

глухой, усыпляющий шорох волны?
Чтоб видеть оазис покоя
под крышей
почти не смутимой ничем тишины?
Чтоб вылезть потом, как медведь из берлоги,
и вдруг увидеть, сколько ты пропустил?..
Ну нет, я себя причисляю к дороге
в счет комплекса всех неистраченных сил!

* * *

Когда-нибудь приеду в город,
с которым вовсе не знаком;
и пусть над ним темнеют горы,
с которых веет холодком.
Пусть снег белеет на вершинах,
у ног их
озеро лежит,
и пусть в своей зеркальной сини
оно вершины отразит.
Пусть там сады, каких не знаю,
и виноградная лоза,
пусть мир
вечнозеленым маём
врывается в мои глаза.
Но только
я забуду горы,
и озеро, и снег на них,
когда слышу разговоры
людей, пускай и не родных.
Не жить поэту в карантине
вдали от человеческих душ.
Без них приземисты вершины
и все озера мельче луж!

Посмотрите, маленькие птицы,
песней огласившие листву:
кошка пожелала приобщиться
к вашему большому торжеству.

Вот она, привставши на заборе,
вверх на тополь целится взлететь.
Птицы, вы не думайте, что в хоре
с вами захотелось ей попеть!

* * *

Они имели крылья и летали,
а он века смотрел на них с земли;
но день пришел — и два крыла из стали,
им сделаны, в лазурь его взнесли.

Он сделал то, чего они не смеют,
бескрылый, он крылатых посрамил...
Они имели крылья, не имея
крыл разума и вдохновенья крыл!

НЬЮТОН

Не все упавшее пропало!

Пример?

История дает...

Вот Ньютон сходит с пьедестала,
в руках он яблоко несет.

По моде времени — в камзоле,
в штанах коротких, в парике;
в извечной, первозданной роли
алеет плод в его руке.

Все факты взвесьте и проверьте:
кто здесь упал и кто пропал?
Скорее пахнет здесь бессмертьем,
какое мало кто видал.

На деле — яблоко упало!
Но лишь упав, а не пропав,
бессмертье Ньютону снискало,
себе бессмертие снискав.

Вот он стоит на пьедестале,
в ладони яблоко зажав.

ВСПОМИНАЯ...

О сельское уединенье!
Как много щедрой простоты:
деревьев вековых сплетенье
и малолетние кусты.
Сентябрь...
В полях сегодня осень
(цвет русый, желтый, золотой),
в ней сходство есть
с русоволосой
знакомой
женщиной одной.
Но тянет юность...
Как магнитом...
Сейчас дано лишь только ей
тянуть меня сквозь сад забытый
под сенью вянущих ветвей.
Забыт автобус 615,
змея петлявшего шоссе,
и дым,
и чад,
и домочадцы —
забыто все,
забыты все.
Я чувствую себя открытым,

А. Чулков

ветрам, картофелю, траве,
скупому солнцу
и покрытой
спокойным золотом
листве.

Иду.

В полях сегодня осень,
но тячет
встретиться с весной:
в ней сходства нет
с русоволосой
знакомой
женщиной одной.

ПАМЯТИ ДРУГА

Магнитофон, конечно, лишь машина.
Но что за роль порой играет он!..
Хозяин, повидавший жизнь мужчина,
однажды мне включил магнитофон.

Он мне сказал: «Ты помнишь голос друга?
Ты знаешь, он в живых не состоит.
Сейчас, на круг раскручиваясь с круга,
нам лента этот голос воскресит...»

Быть может, только помнила машина,
как год назад записывался тот,
что, жизнь прожив едва наполовину,
из жизни в ночь, в глухую ночь уйдет.

И вот магнитофон, вертя кругами
и воскрешая жившего среди нас,
вновь между ним и нашими сердцами
налаживает порванную связь.

Но это — больно. Право же, некстати
иллюзия такого волшебства.
Постой, катушка! Где там выключатель?
Остановите скорбные слова!

Не мистика, а истина жестока;
она и так не оставляет нас...
Оставлен голос, но ушел до срока
его хозяин, с нами не простясь.

Остановись, крутящаяся лента!
Нам, слышишь, больно! Больно все равно...
Январь, как год назад... Возврат момента...
Такой же белый снег глядит в окно.

* * *

Когда-нибудь и я увяну,
когда-нибудь и я уйду
туда, где нет лесной поляны
и сада с яблоней в цвету;
где гряд весною не копают
и где ватаги сорванцов
с тех гряд
под осень не таскают
созревших желтых огурцов;
где нет ни снега, ни капли,
ни пьяных зеленью дворов,
ни голосистой птичьей трели,
ни воя мартовских котов;
где не кивают нам деревья,
не пахнут яркие цветы,
где нет ни града, ни деревни,
ни суеты, ни пустоты.
В тот миг последний,
все приемля,
уже не властен не уйти,
назек запомню эту землю,
где было мне дано цвести.
И этот
как бы фотоснимок
всего, что было мне землей,

и будет тем неуловимым,
что человек назвал душой...
Мне это кажется,
не скрою;
но все, что знал, к чему привык,
будь можно — все б унес с собою
в последний миг...
В последний миг!

А жизнь — неплохой педагог!
Строга, но не часто лютует.
Ты сможешь усвоить урок,
когда она все растолкует.

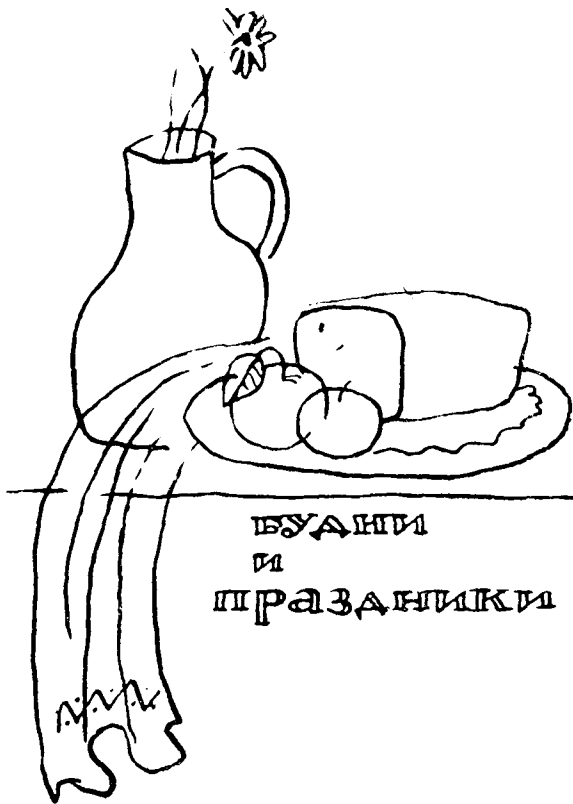
Перечить ей, право, не смей!
Она поступает умело:
натаскивать нас, как детей, —
ее ежедневное дело.
Да, жизнь, она знает свое!
Посмотришь: мы все — лоботрясы —
весь век под началом ее
кончаем различные классы.

Но нет, не скрывая в душе,
она говорит не лукавя,
что в пройденном классе уже
на будущий год не оставит.

Подходит назначенный год —
она по закону природы
любви полный курс нам дает
и практику тоже проводит.
И, зная, что в мире нужна

решимость, а не бессловесность,
задачи дает нам она
все с бóльшим числом неизвестных.
Когда же окончим, когда?
Уж кончить бы, что ли, скорее!
Но дни в ее школе — года,
программа — конца не имеет.
По принципу «быть иль не быть»
учительша
нашего брата
все будет учить и учить
и все же не даст аттестата.

Ну, друг, что ж поделаешь, а?
Придется, старик, не лениться.
Так что же, давай, старина,
учиться, учиться, учиться!

БУАНИ
И
ПРАЗНИКИ

* * *

Услужливости
труд никак не брат!
Услужливость услужит и хихикнет
и будет ждать подачек и наград
и в их сени, довольная, поникнет.

Труд будет лить, к примеру, свой металл.
Не для наград, не для Доски почета.
Поставьте честный труд на пьедестал —
так он сойдет,
пойдет искать работу.

* * *

Мне издавна знаком, приветен, близок
приют демократических столовых,
где надписи не очень грамотейны:
«В одежде верхней здесь не подают»,
а на стенах ликуют натюрморты,
усердно восхваляющие снедь.
Ты сам себе, минут не тратя даром,
вдыхая запах кухонный, подносишь
целительные русские блюда,
ты горло лимонадом прочищаешь,
чей звук подобен шелесту деревьев,
а сам уже косишься на горчицу,
кормившую сегодня сотню ртов.
Навеки в этих залах поселились
умеренность в обнимку с простотою,
которые в награду за усталость
дают тарелку красного борща,
салат, что накануне рос на грядках,
котлету в серой лужице приправ.
А за окном, роняя пух, бушуют
цветущие июльские деревья...
Недаром так ликуют натюрморты,
усердно восхваляющие жизнь!

* * *

Неправильно название «натюрморты»!
Кто выдумал его, тот просто слеп.
Он на столе, по-моему, не мертвый,
ржаной, здоровый, сочный, толстый хлеб.

И носят жизнь в земном и зримом теле,
опровергая тлен, костлявость, мрачность,
и лука свежее-яростная зелень
и пива буро-пенная прозрачность.

И отпевать и хоронить их рано;
их сок еще в артерии нам брызнет —
всегдашний, неумный, неустанный,
простой рецепт продленья нашей жизни.

А то — мертвы! Когда, какой чудак
решил присвоить им название мертвых?
К лицу ли нам смотреть на вещи так,
как тот, кто в них увидел натюрморты?

Смотрите все на всё, что есть вокруг,
с прищуренным и пристальным вниманьем.
Хвала живым плодам земли и рук,
плодам труда, уменья и дерзанья!

* * *

А дом для приезжих в поселке
был просто обычной избой
на стыке дорог и проселков
под стилой январской звездой.

«Отель у нас в стиле «баракко», —
товарищ мой кстати сострил;
но дом тот от стужи и мрака
нам добрым прибежищем был.

Ночлег — ощущали мы — будет
в любом неуютном краю,
и знали: повсюду есть люди,
что помощь предложат свою.

* * *

Трещат сверчки — совсем такие звуки,
но — между нами — разве здесь сверчки?
Здесь женщины, чьи пальцы и чьи руки
стремительны, подвижны и легки.
В них, право, что-то есть от музыкантов:
во-первых, точность надобно учесть,
второе: дело требует таланта,
в машинке
с пианино сходство есть.
И не боюсь несколько ошибиться
и, не приврав, душой останусь чист,
сказав,
что здесь мелодия ложится
в обличии строки на белый лист.
И, празо, не испортишь этим вкуса,
что, вслушавшись, присмотришься и ты
к тому,
с каким естественным искусством
они, как в ноты, смотрят на листы.
Как плоть и душу
ноты обретают,
когда мы их сыграем иль споем,
под их рукою
форму принимает

аморфность букв, написанных пером...
Уходишь ты:
у моря дел
отлива
и не было и нет в конце концов;
уходишь, но в ушах звенит отрывок
симфонии стрекочущих сверчков.
Она надолго слухом сохранится
и долго будет в памяти звучать,
и долго после
эти руки-птицы
перед глазами будут пролетать.
Их труд,
верней, искусство их
люблю я,
и вот, неторопливы и тихи,
когда зайду, когда на них гляжу я,
стихийно зарождаются стихи.

ОДА АВТОБУСУ

Давно хочу я взять автобус
в герои моего стиха;
он, работяга крутолобый,
встает, когда земля тиха.
В седьмом часу,
студеный воздух
глотаю и легко дыша,
он покидает краткий отдых
под прочной крышей гаража.
Обуты в шины, как в гамаши,
две пары ног его — колес:
добротю,
хорошо —
не страшен
ни дождь,
ни ветер,
ни мороз.
На поворотах приседая,
как коренастый мужичок,
спешит он, устали не зная,
не то бегун, не то ходок.
Он с остановками при встрече
привык здороваться всегда
и будит улицы далече
ритмичной музыкой труда.

Весь день в его железных жилах
течет бензиновая кровь,
и сердце бьется с прежней силой
и в рейсы гонит вновь и вновь.
Когда же светлой головою
нам фонари осветят путь,
ему и тут не до покоя:
работы — не передохнуть.
Дивлюсь, как он привык трудиться
и глаз до ночи не смыкать!
Домой лишь за полночь примчится,
а там чуть свет встает опять.
Да, вновь он встанет, крутолобий,
когда рабочий люд встает...
Счастливым путем тебе, автобус,
герой, достойный громких од!

СЕМЕЙНЫЕ АЛЬБОМЫ

И у друзей и у знакомых
не только потчуют гостей —
дают семейные альбомы,
свой доморощенный музей.
Пока хозяева негромко
ведут дебаты о столе,
листаешь предков и потомков —
кто на земле и кто в земле.
Потом хозяин хлебосольный
придет, усядется и сам
экскурсоводом добровольным
ведет по лицам и годам.
И погружаешься в дела их,
и, как сквозь призму,
нем и тих
на лица нынешних хозяев
глядишь сквозь лица предков их.
А вот и дети... Здесь в единстве
отца и матери черты —
нерасторжимый, дружный синтез
их зрелости и красоты.
А дальше — тетки, сестры, братья,
дядья, племянники, зятья.

И не скудеет, смотришь, рать их,
не убывает их семья.
Хозяин скажет:
«Дед мой...
В пятом
с японцем бился...
Там зарыт...
А вот и сын мой...
С автоматом...
Там на границе он стоит...»
Тот пал под Печенгой на сопке,
а этот всю войну прошел...
Пройдя музей, приступим к стопкам,
уже поставленным на стол.
Но, и словам друзей внимая,
и отвечая, как всегда,
я все равно не забываю
про эти лица и года.
Уходят мелочи и числа,
подробности о том, о сем,
и остаются только мысли
о жизни в целом, обо всем.
О жизни, без конца растущей,
будь климат легок иль тяжел,
чей корень — в прошлом,
плод — в грядущем,
а в настоящем — мощный ствол.
И мы — листы на древе этом —
должны стараться, чтоб она —
не важно, как, когда и где там —
хранила наши имена.
Пускай не будем мы достойны
попасть в музей иль в толстый том,
пусть удостоимся с тобой мы
попасть
хотя б в простой альбом.

И пусть мы в жизни не забудем:
чтоб из альбома, черт возьми,
нас не повыкидали люди,
нам надо быть всегда людьми.
Хозяин! Пусть мы не поэты
и не великие умы...
(Лишь в мыслях я сказал об этом,
но вот за это
выпьем мы!)

ОПУСТИВ МОНЕТУ...

Опускается
денежка —
откликается
девушка;
называется
номер —
отзываются
в доме.

Говоришь им:
«Пожалуйста,
нет такой-то —
скажите?..»

Отвечают безжалостно:
«Нет!

Попозже звоните!»
А когда там попозже,
если вечер метелен
и мороз бьет прохожих,
проходящих без цели!
Счастье может быть хрупким...
Звезды, в небе прорезавшиеся.
Тихо...
Вешаешь трубку
с ощущеньем, что вешаешься.

Телефон!

Ты же сложен
из столетий усидчивости,
ты настолько же сложен,
как отдельные личности;
но сейчас ты железней,
чем консервная банка,
ты сейчас бесполезней
опорожненной склянки,
принадлежность настенная!
Захлестну в будке дверцу!
Не дал соединения
с самым нужным мне
сердцем!

НА СВАДЬБЕ

И виноград,
и винегрет
горою высились на блюде;
и много зим,
и много лет
жить молодым
желали люди.
Вином шампанским занялись,
теплом радушия согреты,
и полетели пробки ввысь,
как в космос
русские ракеты.
Потом пошли из-за стола,
и хрупкою осенней льдинкой
сквозь волны вальса поплыла
старинно-русская пластинка.
А дальше с дисков
хлесткий джаз
навязывал свои законы
(там несколько парней,
смеясь,
курили трубки саксофонов).
Нашелся баянист
и стал

заметно с хмеля куролесить:
за вечер
русского играл
по просьбам и без просьб
раз десять.
И задробили каблуки,
и пол ходил, и стол с посудой,
и этот вечер
потолки
в квартирах нижних
помнить будут.
Но вот к столу вернулись вновь
и вновь
про «горько!» не забыли,
и за согласие и любовь
до дна бокалы осушили.
И голос разума звучал:
«Над головой да будет крыша!»
и каждый речи той внимал
и понимал
все то, что слышал.
И продолжал тот голос:
«Да!
Да будут свадьбы — не поминки!
Да будут целы города,
а биты — разве что пластинки!
И да не сгинет род людской,
а как дано природы властью —
пусть делит счастье муж с
женой —
неразделимое на части!
Смешно на этот щедрый мир
смотреть глазами неразумных!
Да будет пир
в стенах квартир,
не будет буйства бомб безумных!»

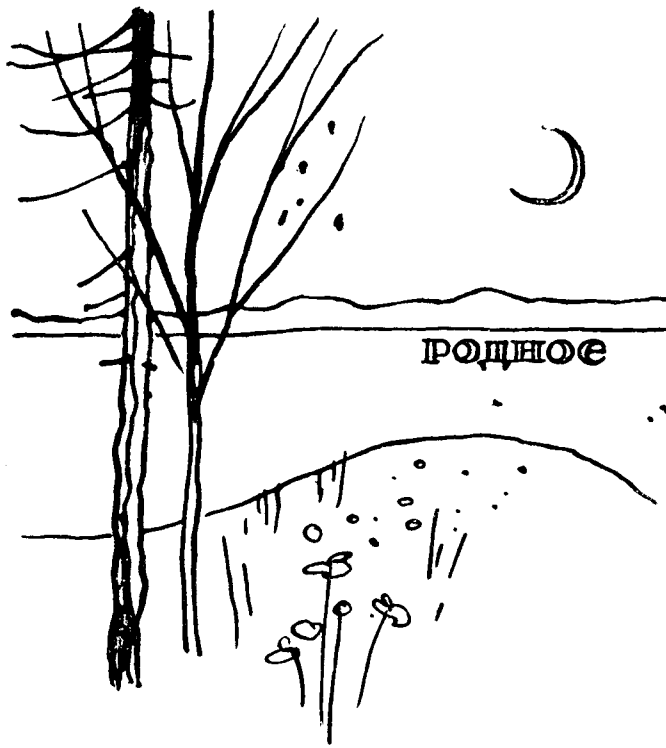
И голос тот
торжествовал
и был для всех настолько ясен,
что каждый это понимал
и каждый с этим был согласен:
И виноград,
и винегрет
горою высились на блюде,
и много зим,
и много лет
жить молодым
желали люди.

СТИХИ О ПОЖИЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Ты думаешь: падение валюты —
серебряный бесценок седины...
Наверно, жизнь поворачивалась круто,
и вот они — следы ее — видны.
Но он, представь,
не хочет да и только,
стыдясь, свои седины прикрывать:
ведь не разбита жизнь его нисколько,
и незачем осколки собирать.
За столько дел еще берутся руки —
не переделать все эти дела.
В дни праздников
сыны его и внуки
сидят вокруг широкого стола.
Они кругом — как роща молодая,
он — глубже корнем, выше головой,
но, про любовь и юность запевая,
он, как и все, совсем не стар душой.
Как и они, он там же, где и люди,
и стоит непонявшим подсказать:
не надо так —
падением валюты —
серебряные пряди называть.

ОДА ВЕЩАМ

По утрам затрезвонит будильник,
как кузнечик, что слишком уж звонок.
Я даю ему враз подзатыльник,
я его укрощаю спросонок.
По утрам говорливый приемник
сообщает, какие есть вести,
а потом, чтобы стало легко мне,
перейдет на зарядку и песни.
По утрам закипает кофейник,
чуть зевнешь — и уж быть катастрофе.
Ах, какой он прекрасный затейник,
он мне варит живительный кофе!
Вещи милые, вы не устали?
До седьмого стараетесь пота.
Но уж если вы утром старались,
я до ночи смогу проработать.

РОДНОЕ

* * *

Художник хотел написать мой портрет,
да я закрутился — все времени нет:
автобус,
работа,
забота,
звонок —
так я до портрета доехать не мог.
И холст заполнялся лицом не моим,
и дым
папиросы висел не над ним;
и краски взывали:
«Ведь это — не ты!»
Меня ожидали другие холсты.
Но я продолжаю обманывать их:
ну где в моем времени
место для них?
Лишь где-нибудь в старческом дряхлом
часы для портрета, быть может, найду. году
Заметь:
я успею к портрету поспеть,
а нынче я буду работать —
заметь!

ОДА ВОЛОГДЕ

Врезают полночь то и дело
гудки далеких поездов.
Он спит, накрытый ночью белой,
один из русских городов.
Он здесь стоит, мужая, строясь,
не стар за долгие века,
и поперек его, как пояс,
блестит спокойная река.
Вода не мчит, не убегает
куда-то за́ город, в кусты.
Вода стоит и отражает
дома, и баржи, и мосты...
Одной ногой почти в июле,
весь в оперении весны,
он спит, раскинув руки улиц,
и безмятежно смотрит сны.
Он спит, но завтра он проснется
и сбросит ночи забытье;
он спит, но завтра он возьмется
за дело верное свое.
По жилам всем его польется
поток машин, одежд и лиц...
— С кем схож он? — спросят.
Мне сдается,
не с величавостью столиц.

Не схож он, нет, и с южным Сочи,
что грузной грудой фруктов горд.
Он горд, что он простой рабочий,
что труженик,
а не курорт!

ОДА ЧЕРЕПОВЦУ

Младший брат старинной Вологды,
ты в ее семье мужаешь,
и, смотря светло и молодо,
ты сестру перерастаешь.
На заводе — домен зарево,
к ним трамваи мчатся с шумом.
Город,
ты родился заново,
чтобы жить, трудиться, думать.
В книге времени листаешь ты
как бы первые страницы,
но уже напоминаешь ты
наши шумные столицы.
В новом, белом, статном городе
все и празднично, и ярко;
у тебя такие гордые
стадионы, зданья, парки.
Всюду вижу обновление —
на дворцах, проспектах, лицах;
обновленье — как веление
и душой преобразиться.
Слушай, город,
ты поэтому
и воспет в стихах и одах.
Только больше, чем поэтами,
ты воспет гудком завода!

КИРИЛЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Когда я приехал в Кириллов,
когда я пришел в монастырь,
мне прошлое двери открыло
во всю их могучую ширь.
Над влагой озерной возвысясь,
стена крепостная встает...
Не здесь ли седой летописец
истории слушал полет?
Пером не она ли водила,
которым царапал монах?
Глубокие корни пустила
история в этих стенах.
Здесь нету обычного шума,
здесь вещая, мудрая тишь,
здесь вспомнишь забытые думы,
забытый напев воскресишь,
напев, сокровенный и вещий,
что пела старинная Русь...
Нетленные, мудрые вещи,
я к вам еще, право, вернусь,
затем, чтоб, душою возвысясь,
пить древних преданий струю...
Собор, как седой летописец,
поведал мне повесть свою.

* * *

В этих рощах глядит на пришельца весна
из черемух, чей свет белоснежен...
Светлый север! Несет тебя мая волна,
точно парусник белый на стрежень.
Я гляжу на тебя, как заблудший матрос,
что на суше не знает покоя.
Я скажу тебе то, что я в сердце принес:
«О, возьми меня, парус, с собою!
Поплывем, не страшась ни зыбей, ни тревог,
выйдем в путь, что велик и безбрежен...»
В этих рощах летит на меня холодок,
точно ветер морских побережий.

* * *

Нашу область помянут по радио
чаще в случае том, если дождь
иль мороз захотели порадовать
край лесов, перелесков и роц.

Прямо скажем, здесь лето стыдливое,
и непóдолгу солнечный взор
устремлен вместе с соснами, с ивами
в первозданность студеных озер.

Проезжаешь лесною дорогою
и подолгу не встретишь жилья...
Право, можно сказать еще многое,
но ведь родина это твоя.

Это — дом, не минутное стойбище.
Это — дом, он — от предков в крови.
Пусть сулят тебе рай и сокровища —
как изменишь ты этой любви?

Говорят, что огонь, скрытый-спрятанный,
и погаснув, таятся в золе.
Так и в теле, в любом его атоме,
есть привязанность к этой земле.

* * *

То иней белеет утрами,
то дождик идет небольшой.
Жива только банка с цветами,
с тончайшей цветочной душой.

У них пообрезаны корни,
их стебель лишь воду сосет;
букет их, печальный затворник,
недолго еще проживет.

О жизнь в тесной банке консервной!
Люблю твой последний порыв,
и тихий, и грустный, и нервный,
уже обреченный на срыв.

У астр обвисают головки,
тускнеет их пламенный цвет,
они точно мышь в мышеловке,
у них даже запаха нет.

Но все ж, красоту отдавая
по капле, как доноры — кровь,
и хмурые дни озаряя,
они этим красят наш кров.

Пусть ведать не ведает время,
куда оно мерно идет,
и астр ярко-алое племя
не нынче, так завтра уйдет, —

Пылает домашнее лето!
Там иней на клумбе пустой,
а комната эта согрета
тончайшей цветочной душой.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Как далека ты, болдинская осень,
где Пушкин пребывал с пером в руке!
Неспешен темп и зим, и лет, и весен,
но ты уже в далеком далеке...

Лимонен цвет сентябрьского полудня,
конец пера гусиного в зубах.
Все будни — точно праздники,
все будни —
участие в осенних торжествах.

И кто придумал эту перемену,
чтоб всей природе медленно сиять?
Все краски так тонки и совершенны,
и есть уменье их воссоздавать.

Читай стихи лесам и бедным птицам —
они отплатят щедростью стократ;
не зря с берез багряный лист валится —
сердечным струнам вятен листопад.

Не зря пастушья дудка запекает,
сзывая стадо вечером под кров;
не зря под звук залиvistого лая
соседи выезжают из кустов.

Не зря горят русалочки тропинки
в прощальном озарении зари,
по ним ходить — не повод для разминки,
бродя по ним, всю душу отвори...

Бездомный днем, когда стемнеет — дома.
Горит свеча, коричнев крепкий чай.
Для бодрости есть в склянке мудрость рома —
налей в стакан, неспешно размешай.

На хмеле лет настоены, поверья,
преданья слушать — кругом голова;
а там опять стучится муза в двери,
идет шептать заветные слова.

Как мудро все! О как все это мудро:
не закрывать и за полночь тетрадь,
и не проспать ядреный холод утра,
и вновь
зари румяный свет вдыхать.

И Петербург с его зимою мглистой
и сумрачной, болезненной весной
не стоит мига шелеста и свиста
под сонною осиной и сосной.

Осины, сосны осень осеняет
своим крылом лимонно-золотым,
зовя сюда навек, предупреждая:
за Черной речкой будет гром и дым...

ОСЕННИЙ ЛЕС

Тишину разыграть бы по нотам,
тишина, точно скрипка, звучна;
над поляной, чащобой, болотом
нерушимо стоит тишина.

И ее в этих дебрях брусничных,
как броню, не пробить ничем:
мало птиц, и они апатичны,
хилый ветер чуть машет крылом.

Но ты слышишь?
Ее отрицает
недалекого трактора гул,
повествуя, что зябь поднимают
и что край не уснул.
Не уснул!

* * *

Река уже точно, что стала,
окована панцирем льда;
и, как работяги, устало
на ней засыпают суда.

И, впаянным северной стужей
в ледовый покров до весны,
им даже и якорь не нужен
до первой весенней волны.

Им спится. Конечно, им спится.
И как им без дела не спать?
Ведь первые только страницы
успела зима пролистать.

Им спится. И многое снится,
и много им снов увидеть.

Им снится последняя льдина,
распахнутый водный простор,
опять перевозки, путина
и четких машин разговор,
и в зябкость полночную — бакен,
и льнущая к вахтенным сонь,

и слева по борту во мраке —
зажженный на встречном огонь;
им снится и белая пена
за самой кормой в волнах,
и запах от свежего сена,
что сушится на берегах;
и где-нибудь там в Междуречье,
а может, под Тотьмой самой —
негромкая песня под вечер
над тихой широкой водой...

ЗИМА

Зима? Прекрасно, что зима!
А в чем она заключена?
В снегах, облапивших дома
и образующих холмы.
Но разве в этом вся зима?
Но все ли здесь черты зимы?
Зима — мороз, зима — метель.
Зима — в сугробе тонет ель.
Зима — седой и свежий сад,
где ветры резкие трубят.
Зима — зеркальный бег коньков,
зима — дорога звонких лыж,
и если ты на них стоишь,
бежишь в поля, в простор снегов:
к реке, сквозь лес, на холм, с холма.
Зима! Прекрасно, что зима!
Пускай дорога вдаль летит,
пусть манят сосны вдалеке!
Зима, конечно, говорит
на звучном русском языке,
и только русский человек
способен, не сходя с ума,
сказать, увидев первый снег:
«Зима? Прекрасно, что зима!»

МАРТОВСКОЕ

В природе весны небывалое свойство:
вверх прыгают столбики ртути —
и проще становится быта устройство,
и глубже копаешься в сути.
Как будто оттаивать стало мышление
иль дали питанье для рации,
и в блеске, разлившемся как наводнение,
быстрее протекают реакции.
Не голым деревьям, конечно, ослепнуть,
но глазу — угроза от света;
деревьям-то что: обещает окрепнуть
галдеж воробьев в царстве веток.
Их гомон настроен на темп слишком быстрый,
неслыханный в холод доселе,
их возгласы резки, мгновенны, как искры;
куда до такого капели!
Капель не спешит, потому что известно:
размеренность хлеще упорства:
под звон этой музыки, шум этой песни
земля станет мягкой из черствой.
Да, свойство такое у марта — кипенье,
и дни его — дни не пустые.
Томится зерно. У зерна нетерпенье
пасть в землю — в родную стихию.

АКВАРЕЛЬ

Погода, вновь вернув доверье,
выводит солнце под уздцы;
ей аплодируют деревья
и их пернатые жильцы.
К лазури, трогательно-ясной,
уводит взгляды тонкий дым,
и все настойчиво и властно
зовет
быть нынче
молодым.
Весною все к тому стремится,
ее программа всем ясна...
Спешит
живой водой умыться,
раскрывши створки у окна.

ИЮНЬ

Пасутся дни на пожнях лета,
а солнце ходит пастухом,
мир полон свежести и света,
пронизан синью и теплом.

Цветы и травы, как насосы,
качают соки из земли,
пока отточенные косы
им смерть с собой не принесли.

Под доброй легкой светила
они растут, как буйный лес,
и дни накапливают силы,
растут, нагуливают вес.

Пора расцвета!
Каждый волен
в луга медвяные уйти
и пить дыханье солнца вволю,
вдыхая лето во плоти.

И есть такое ощущение,
что ты и сам, как день, растешь,
что из весеннего цветенья
ты в пору зрелости идешь...
